

Culture, Personality and Education

Мәдәният, шәхес һәм мәгариф

Культура, личность и образование

GERMANS AND TATARS BETWEEN MIGRATION, INTEGRATION AND SOLIDARITY: THE TRANS-CULTURAL REGIONAL AWARENESS OF THE DOBRUJANIANS

Mieste Hotopp-Riecke,

Institut for Caucasia-, Tatarica-
und Turkestan-Studies (ICATAT),
11 / R. 2126, Schwiesastr., Magdeburg, 39104, Germany.
Hotopp-Riecke@icatat.de

This article explores the image of the Tatars through the prism of representations of the Dobrujanians (Germany). It systematizes the material on the history of the Turkic peoples, coming to settle in this region, and reveals the features of cultural contacts between the Germans / Christians and the Turkic-speaking ethnic groups. The article also determines the nature of acculturation with regard to the population of this region.

Key words: Tatars, Germans, Germany, identity, regional self-awareness.

*Dedicated to the memory
of Agiacai Saladin¹.*

A specific regional identity of Dobrujanians (German: Dobrudschaner), regardless of ethnic and linguistic diversity of the local Tatar and German inhabitants, struck me during my dissertation studies. In my research, I dealt with the change of the image of Tatars in the collective memory of the Germans. While in other German-Tatar cultural contact areas, such as East Prussia, the predominant tradition was xenophobe stereotypes (horsemen barbarians), Dobruja in this context probably represents an exception: not only the Tatar image

of German neighbors was different, but also we can determine a tentative reciprocal acculturation. It finally manifests itself in a specific niche of Dobruja, common regional consciousness. This regional identity was kept inside up to the beginning of the 21st century, though their makers had lived through the phases of forced migration and integration in their new homelands. The Literatures of the Romania-German emigrants play a special role as a transport and translation corridor for images of the collective memories of the old homeland in Romania and Bulgaria.

My research is based on expert interviews in Dobruja and in Germany, as well as on rich Romanian-German literature. It is a largely missing piece of multinational history: a huge part of German villages of Transylvania carries memories of Tatar

¹ Agiacai Saladin (1946–2010) was the President of the UDTTMR (Uniunea DEMOCRATA a Tatarilor Turco-Musulmani din România).

invasions and Turkish occupation in its written history, and nearly all German villages of Dobruja were formerly Tatar settlements. In Romania-German literature of the modern era, the most vivid images of each other are found in the literature of the Dobrujanians.

Digression settlement history – Swabia, Saxony, and Tatars

The settlement stories of the different Germans geographical areas of Transylvania and Dobruja differ substantially in the time of immigration. The first German settlers immigrated in 1841 to the then-Ottoman Dobruja from the North. The history of the Dobruja migration is described in detail by Paul Traeger and Hans Petri [Traeger], [Petri, pp. 7–27]. There were mostly farming families from Volhynia and the Black Sea region of the Russian Empire, Bessarabia and Crimea. The first German town was Abaza (Tatar: clear fountain) in Babadağ region in Northern Dobruja. From that time, until the unification with Romania in 1878, Dobruja was part of the Ottoman Empire. Due to the suspension of colonist privileges 1871, the second wave of migration began in Russia in 1873 and lasted until 1883. A third period of immigration began in 1890-1891². Most of the newcomers settled in former Tatar settlements, since they were partially empty, because of wars and plague in the first decades of the 19th century. The seemingly few start-ups were *New Vineyards* (“*Neue Weingärten*”), *Large Pallas* (“*Groß Pallas*”) and *Jakobsonthal*. All other villages, where Germans settled compactly, have retained their Tatar name (here as in Romanian orthography): *Alibeyköy* (Mr. Ali village), *Ali Anife*³, *Babadag* (father mountain), *Caramurat* (black Murat), *Ciucurova* (Çukurova = deep plane), *Colelia* (Köleliye = slave market), *Karali* (those marked in black), *Murfatlar* (“the generous”), *Ortachioi* (Ortakoy = middle village), *Sarighiol* (Sarıgöl = yellow lake), *Sofular* (“the pious”), *Techirghiol* (Tekirgöl = mullet lake), etc.

The territory of today's Romania has been home to Turkic peoples since the 6th century CE onwards. Under the Bolgar Tsar Khaka, the settlement of Petshenek or Cumans was founded in the

² In 1847, the first priest for the Dobrudja Catholics, the Benedictine Raymund Netzhammer, was appointed by the Bishop of Nikopoli. Among the immigrants were 35–36% Catholics, the majority consisted of Lutherans of different communities.

³ Later renamed in Calfa, today in Bulgaria (South-Dobruja).

13th century. Yet, at the time of the Seljuk dynasty in 1263 around 10.000 Turkmen of Anatolia settled under Saltık Dede in the area of Dobruja [Hammer-Purgstall, 1840, p. 117] and the Ottoman Sultan Beyazid I colonized the area around Babadağ with Tatars, similar to the way his successor Muhammad I would do.

Since 1393, Dobruja was a part of the Ottoman Empire and the Budjak-, Nogay- and Crimean Tatars settled in it from the 16th century onwards. The conquest of the Crimean Khanate (1783) by Russia caused a mass exodus of the Crimean Tatars in the direction of Dobruja and later from there on to Asia Minor. Around 1880, Romanians only accounted for 28 percent of the total population of Dobruja, still the Tatars were the defining majority: “*They were the only ones who gave Dobruja a certain ethnic color, so that it was simply called the Dobrujian Tatar*” writes Paul Traeger in his review “The Germans in Dobruja” [Traeger, 1922 (1982), p. 9]. After Tatars and Turks in Romania were expropriated and expelled around 1885, a further exodus of 80.000 Turks and Tatars happened in 1918 due to the war in Anatolia⁴.

In the interwar period from 1919 to 1939, the demographics changed in favor of the Romanian population: Tatars and Turks had emigrated and Romania's territory had almost doubled. After the flight, expulsion, resettlement in the Second World War, and the mass emigration by 1990, only a few dozen people out of 60.000 Germans remained in Romanian Dobruja, and today, around 23,000 Tatars still live in Dobruja.

The image of the other

The cultural contacts between German/Christians and Turkic/mostly Muslims – ethnic groups from the early modern period left significant traces in the German oral tradition in the area of today's Romania. We can find Romania-German legend collections of the 20th century in today's Romania. Also, in East Prussia and Silesia,

⁴ At the beginning of the First World War in 1914 Carol I wanted to take sides in favor of the Central Powers, which was not tenable in domestic politics. Under his nephew and successor Ferdinand I (1914–1927) Romania joined the Entente in the summer of 1916. At first, the Romanians conquered parts of Transylvania, but lost the Walachia (Țara Românească) in December 1916 by the counter offensive of the German, Austrian and Bulgarian troops, so Ferdinand I and the government had to flee to Moldova. After the First World War in 1918, the majority of Romanian territories of Russia and Austria-Hungary joined Romania.

there exist dozens of “Tatar” traditions dating from 1241 to 1242⁵ [Strakosch-Grassmann, 2004 (1893), p. 36] to 1656. Others admit no explicit temporal mapping.

Experiences of violence, multi-ethnicity and interreligiousness are characteristic features of these myths and legends. Claus Stephani mentions in his books “Zipsian Folk Tales...” [Stephani, 1981] and “Oaks along the Way” [Stephani, 1982] 20 or 26 references in which the Tatars occur. Combat operations and settlement activities of various ethnic groups, especially from Turkic former states such as the Huns⁶ [Müller, 1857, p.189], Avars, Kıpçaks⁷ [Stephani, 1981, p. 34], Bolgars, Cumans⁸ [Müller 1857, p. 203], Pečenek⁹

[Stephani, 1982, p. 112] and Tatars are also all remembered and played a role in tales and legends of the Transylvanians, but in some cases they are supplemented by descriptions of love-relations between Tatars and Germans. These experiences of violence with the foreign riders from the eastern steppes are recounted in legends like “When the Tatars Came”¹⁰ [Stephani, 1982, pp. 208–209], “Tartar Invasions” [Müller, 1857, pp. 253–254], “Tatarshtshina” [Stephani, 1983, pp. 47–48, Stephani, 1981, p. 52.], “A Girl and a Tatar Lad” [Stephani, 1983, p. 24], “A Saxon Woman and a Tatar”¹¹ [Stephani, 1982, p. 135] and many others.

Modern times: Acculturation

In the past, Transylvanian legends about the Tatar incursions were passed from generation to generation, thus preserving the pejorative image of horsemen hordes in the collective memory of the Germans of Romania. A far more positive image of Tatars exists in the Dobrudscha German literature, where the documents of the late 19th century depict a multicultural world that today is no longer existing. “*In the formerly Turkish village, Germans lived now peacefully apart from other peoples: Turks and Tatars, Romanians, Greeks, Jews, Armenians, etc.*” [Cited by: Hotopp-Riecke, 2011(2017), p. 265]. Similar statements can be frequently found. Some surely are pretentious, but quite real actions of inter-ethnic solidarity: donations and help package campaigns from the 1960s

⁵ From February 1241 onwards, the march of four (according to other sources five) dzhengiside forces against Transylvania and Hungary began. These armies were the object of the subjugation of Hungary, and were commanded by the military leaders Kadan, Buri, Baghatur, and Bochetor.

⁶ The Huns of course are only conditionally / partly classified as a Turkic-speaking federation, but they do represent the beginning of an east-west migration of steppe cultures lasting for many centuries. See, for instance, Müller, 1857, the legend “Attila’s Death”: “King Attila came from Asia or from Sicily, among other things, conquered the city of Sandau (...) built the Attelshülle (a hollow) and dug with his people the Attel-sloch in one day. But once he sat at the table, the gunman hit him with his weapon in his breast, so that he died immediately.”

⁷ The legend “Kuptchak” says: “Kupshak was a feared robber. (...) When it was evening, he rode down with a group to Sereth (...). It was said that Kuptchak’s mother had been a forest maid and had given him supernatural powers. (...) When the gendarmes were behind him, he turned into a black horse and escaped his pursuers.”

⁸ Under Bulgarian rule, the Cumans had already settled in Dobruja as early as at the beginning of the 13th century. A few decades later the Byzantine Empire exiled Anatolian Muslims. In the legend “From where the village stone has its name” it says: “One day the wild Cumans came into the valley of Kaltbach and wanted to penetrate the castle. (...) Then the Cumans brought wood and surrounded the castle with fire. The Cuman leader told some of his warriors to go over the wall”. But all the Cumans found death in the smoke, the castle crew fled through a tunnel. The fortress chief and his wife froze in fear and love for stone, so that the dagger of the Cuman chief bounced. “A stone splinter broke loose and bounced at his temple, so that the chief man sank to the ground dead”, see.: Halmen 1983, p. 105. Another Cuman saga is given by Müller (“St. Ladislaus rescues a Hungarian virgin from the hands of the Cumanians”) and Stephani (“Alt-Kronstadt”).

⁹ In the legend “The Pechenegs” it is said: “Paganvillage (Heidendorf in Transylvania) is said to have received his name from the heathen who lived here about seven hundred years ago. When the Saxons immigrated to the *Nösnerland*, some tribes of “wild Pechenegs” lived in this region. Where today our village is located, there used to be a *Pecheneg settlement*, and the Saxons called it the village of Heidendorf, because the Pechenegs were just heathens. “They lived in houses made of tree bark and in tents, rode on small black horses without saddles. (...) When the Mongols invaded the country in 1241 (...), the small settlement of Pechenegs was also destroyed and the inhabitants displaced. Saxons later settled here.” The Pechenegs (Hungarian: besenyö) also left their traces in toponyms.

¹⁰ The legend from the Sathmar country (northwestern Transylvania bordering Hungary and Ukraine). The Sathmar Swabian Association of the Federal Republic of Germany, headquartered in 88212 Ravensburg, publishes the “Sathmarer Heimatbrief” (“Sathmarian Homelandletters”), where childhood memories, sayings and legends of the Sathmar Swabians are published.

¹¹ Here we refer to the version of the legend taken from village Mönchsdorf, Nösnerland (Northern Transylvania).

from Germany, not just for Dobruja's German people remaining in Romania, but for all villagers in the old country, regardless of their ethnicity, are evidence of the serious solidarity of the Dobrujanians. It is always based on the region or the municipality, irrespective of the ethnic origins or the residents' mother tongue – in publications of the Dobruja Germans in the Federal Republic explicitly all are mentioned as "Compatriots".

Texts, as testimonials of tentative reciprocal acculturation, can be found in the folk literature of the Dobrujanians. Tatar lexemes, in rhymes or in everyday language, in customs and traditions, migrated into German, and German cultural practices were taken over by Tatars (cultivation, animal husbandry, home economics). Countless trip reports, autobiographies and short stories are witnesses of this process. Lexemes as *Mamaliga* (corn porridge), *Bostan/Bashtan* (vegetable garden), *Kef* (from Keyif = mood), *Pabutsh* (slipper), *Tshoban* (Shepherd), *Kashkaval* (type of cheese), *Harbus* (Watermelon) and *Halva* (oil seeds, walnut, honey, paste) were taken over by Germans and integrated into everyday language.

In the dense neighborhood in mixed ethnic settlements a timid acculturation took place and grew. But despite close interlocking of everyday rhythm, agriculture and folklore of the different ethnic groups in Dobruja their own religion was held as a marker of identity. An expression of this position is an explicit non-mentioning of Islam as a religion of one's Tatar neighbors and friends. On the contrary, if the religiousness of the Tatar people is mentioned in texts it is always about their piety and godliness, but Islam itself is rarely mentioned. So it is said in Abdülhakim Aktaş's letter to the editor sent from Turkey: "*We people of Kobadin would like to desire the grace of God on our beloved Telli Ali and express our condolences to those who he left behind. From the meeting of the Kobadinians and Dobrujanians on the occasion of the funeral of the Blessed, cordial greetings to all the compatriots in Germany.*"¹² "Landsleute Compatriots" here explicitly refers to the homeland of Dobruja. Thus, a Dobrujanian "we feeling" beyond ethnic and religious boundaries was created: "*there is always a bright joy to learn that friendship still unites us Dobrujanians in spite of different nations,*

religions and worldviews", Friedlieb Hoffman wrote in the *Newsletter of the Dobruja Germans* ["Rundbrief der Dobrudscha-Deutschen"].

From 1949, soon after the chaos of the war, the former common homeland of Dobruja as a transnational space of memory is found in German publications. The *Newsletter of the Dobruja Germans* and the *Yearbook of the Dobruja Germans* were published as early as in 1956, before the founding of the Association of Dobruja-Germans. Here is a quotation as an example of the description of the respective neighbor as there are several to be found, irrespective of their nationality: "*neighborly help, also for and by compatriots of other nations, always was a sacred duty, of which no one withdrew from. With the Turks and Tatars, our compatriots in the Dobruja we have always been on good terms and some were crying to us when we were moved by force to Germany 'heim ins Reich'*" [Rösner, 1955, p. 4]. It was established a regional identity ethnonym expressed by the term Dobrudschaner (in German), or Dobrucalı (in the Tatar and Turkish language), which was equally used by Germans and by Tatars.

The periodicals were a source where former neighbors and friends searched and found lost compatriots, relevant national law were explained for resettlers, common folk maintained connections, also Tatar and Romanian poems could be found. The publications functioned as a communication platform for organizing mutual visits of former Dobrujanians. In one of many reviews, we find similarities about dealing with the multi-ethnic situation: they emphasize the peaceful neighborhood of different religions and nationalities. In memories, printed in publications from the 1950s onwards, a post-migration picture emerged, which differed greatly from the nationalist platitudes in publications of the Sudeten-German and East Prussian landsfolk. The Dobrujanian publications gave space for the other, even gave a voice to the representatives of other nationalities and religions. This is evident both in the simple letters of common Dobrujanians and in the articles by major representatives of the Crimean Tatar national movement. The publisher Otto Klett explained the striking emotional intensity and numerical presence of Tatar posts in the *Yearbook of the Dobruja Germans* from 1964. In his article "Our Friends", he dedicated the following words to the "*Contributions of the Tatar, Northern-Turkish staff members of the Yearbook*": "*In our year book we often refer the other nations in the Dobruja region. At first sight, you might think we are overdoing it, they*

¹² Readers letter by Abdülhakim Aktasch (turkish Aktaş – the Germanized spelling of the names is due to the fact that the correspondence between the Tatars, Turks and the Germans was Romanian. The letters were sent by the Dobrujanians to the respective other recipients in Romanian and then transferred to German or Turkish!

don't belong here. However, taking a closer look, one finds that in Dobruja our life was extremely interlinked with the other ethnicities. Whether one wants to or not, we live this life together and our documentation should not be one-sided." [Klett, 1964, p. 86.]

The texts of Tatar authors contributed to the elucidation of the Tatar history, ethno genesis, and the understanding of the Tatar migration movements. Here, we would like to mention "The Tatars and the Ottoman Turks in Dobruja" by Mehmet V. Yurtsever (Yearbook, 1976), as well as the series of articles "Dobruja and the Turks" by Müstecip Ülküsal (1964–1966) [Ülküsal]. Ülküsal, born in Dobruja, was one of the most active Crimean Tatar politicians and publicists all his life, and today he is still an undisputed symbolic figure of the Crimean Tatar national movement.

It is not only literature which preserves the memory and different characteristics of Tatar and Germans images in Romania, of those who have immigrated to Germany. A passage in a newspaper from Munich can be read like a Dobruja German Appeal of reconciliation: "The desire of the Publisher is most clearly felt, he means to show all peoples of Dobruja with their tolerance, understanding, and compassion for the neighbors of other nationalities who have other religions and other cultures, in addition to the other language."¹³ ["Der Volksbote", 1974]. Throughout Romania-German literature it is a recurring moment: the normality of their homeland's multi-ethnicity, and as part of this normality are the Tatars in Dobruja. Vice versa, the image of Germans in the interview with Tatar partners in Dobruja was also very positive to me: There were reminiscences of the common fight against the Red Army, the help in the neighbourhood, the deep religiosity of the Germans and their diligence, perseverance and toughness. This scientific study of the German image of Dobruja Tatars is based on written sources. Another research project should be explicitly dedicated to the part of the regional consciousness and the historic memories of the Dobrujanians.

In contrast to the overall negative-coloured Tartar image in German literature, we have some of the best-known Romanian writers, who create a Tatar image as a significantly positive one. The best-known novels are those by Zaharia Stancu ("A Tatar Summer", "The Daughter of the Tatar")

[Stancu, 1964; Stancu, 2010], the novels by Mihail Sadoveanu [Sadoveanu, 1968; Sadoveanu, 1969; Sadoveanu, 1976] and Andreas Birkner ("Tatar Prayer") [Birkner, 1976]. In their works, they balance the historic presence of the Tatars in the multi-ethnic history and the culture of Romania. They are among the most widely read writers of their country who were published on both sides of the iron curtain.

As the common image of the Tatar and German Dobrujanians has faded, it remains only in the communicative memory of older generations, but it is a very important part of the cultural memory of the Tatars and Germans today. As a regional-historical phenomenon, it is a field for research in literature and turkology, and due to several hot spots of ethnic clashes it is still exciting today.

Dr. Mieste Hotopp-Riecke is the Director of the Institut für Caucasic-, Tatarica- und Turkestan Studies (ICATAT), Berlin/Magdeburg. He graduated as Doctor of Turkology with his dissertation "Iconography of fear. German Tatar images in transition: barbarians, allies, migrants". (421 pages, to be published at Edwin Mellen Press GB/USA)

References

- Birkner, A. (1976). *Die Tatarenpredigt*. Wien: Europa-Verl. (In German)
- "Der Volksbote", München, 20.12.1974. (In German)
- Hotopp-Riecke, M. (2011) (2017). *Iconografie der Angst. Deutsche Tatarenbilder im Wandel: Barbaren, Alliierte, Migranten* [Iconography of Fear. German Images of Tatars in Change: Barbarians, Allies, Migrants]. Berlin: Freie Universität Berlin, dissertation classification DDC 940. (In German)
- Klett, O. (1964). *Unsere Freunde*. In: Jahrbuch der Dobrudscha-Deutschen. Vol. 9, pp. 86–88. Heilbronn: Otto Klett. (In German)
- Müller, F. (1857). *Siebenbürgische Sagen*. Kronstadt: Johann Gött. (In German)
- Petri, H. (1966). *Die ersten Einwanderungen deutscher Bauern aus Bessarabien und Südrußland in die Dobrudscha*. Ein Stück deutschen Schicksals im 19. Jahrhundert. In: Jahrbuch der Dobrudscha-Deutschen. Vol. 11, pp. 7–27. Heilbronn: Otto Klett. (In German)
- Rösner, T. (1955). *Noch mal Glück gehabt. Eine Jugenderinnerung*. In: Rundbrief der Dobrudscha-Deutschen. Stuttgart: Landsmannschaft der Dobrudscha-Deutschen e.V., No. 84, Dezember, pp. 4–5. (In German)
- Sadoveanu, M. *Im Zeichen des Krebses* (Orig.: *Zodia cancerului sau Vrema Ducăi-Vodă*). Berlin: Verlag der Nation, 1968. (In German)
- Sadoveanu, M. (1969). *Das Geschlecht der Falken* (Orig.: *Neamul Șoimăreștilor*). Berlin: Verlag der Nation. (In German)

¹³ Rudolf Grulich wrote this in his replique to the "Jahrbuch der Dobrudscha-Deutschen 1975"; quotation according Dobruja-Yearbook 1976, p. 201.

- Sadoveanu, M. (1976). *Die weiße Quelle*. Berlin: Verlag der Nation. (In German)
- Stancu, Z.; Hotopp-Riecke, M. (2010). *Tatarischer Sommer*. In: Altabash, No. 58 (1), Januar/Februar 2010, pp. 27–30. (In German)
- Stancu, Z. (1964). *Die Tochter des Tataren*. Berlin: Der Morgen. (In German)
- Strakosch-Grassmann, G. (1893) (2004). *Der Einfall der Mongolen in Mitteleuropa in den Jahren 1241 und 1242*. Innsbruck: Wagner. (In German)
- Stephani, C. (1981). *Zipser Volkserzählungen aus der Maramuresch, der Südbukowina und dem Nösner Land*. Bukarest: Kriterion. (In German)
- Stephani, C. (1982). *Eichen am Weg. Volkserzählungen der Deutschen aus Rumänien*. Cluj-Napoca: Dacia. (In German)
- Stephani, C. (1982). *Sächsin und Tatare*. In: Eichen am Weg. Volkserzählungen der Deutschen aus Rumänien. P. 135. Cluj-Napoca: Dacia. (In German)
- Stephani, C. (1983). *Volkserzählungen der Zipser in Nordrumänien*. Marburg: N. G. Elwert, Schriftenreihe der Kommission für ostdeutsche Volkskunde in der Deutschen Gesellschaft für Volkskunde. (In German)
- Traeger, P. (1922) (Reprint 1982). *Die Deutschen in der Dobrudscha – zugleich ein Beitrag zur Geschichte der deutschen Wanderungen in Osteuropa*. Stuttgart: Ausland und Heimat, Schriften des Deutschen Auslands-Institutes Stuttgart. (In German)
- Von Hammer-Purgstall, J. (1840). *Geschichte des Osmanischen Reiches, größtentheils aus bisher unbenutzten Handschriften und Archiven; I: Von der Gründung des Osmanischen Reiches bis zum Tode Selim's I. 1300–1520*. Pesth: Hartleben. (In German)
- Ülküsal, M. (1964, 1965, 1966). *Die Dobrudscha und die Türken*. In: Jahrbuch der Dobrudscha-Deutschen, Bd. 9, pp. 74–85; Vol. 10, pp. 36–43; Vol. 11, pp. 84–87. (In German)
- Yurtsever, M. (1976). *Die Tataren und die Osmanischen Türken in der Dobrudscha*. In: Jahrbuch der Dobrudscha-Deutschen 1976. Heilbronn: Otto Klett, Vol. 21, pp. 25–34. (In German)

НЕМЦЫ И ТАТАРЫ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕГРАЦИИ, СОЛИДАРИЗАЦИИ И МИГРАЦИИ. ТРАНСКУЛЬТУРНОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ ДОБРУДЖИ

Мисте Хотопп-Рикке,

Институт кавказских, татароведческих
и туркестанских исследований (ICATAT),
Германия, 39124, г. Магдебург, ул. Швизер, д. 11 / R. 2126,
Hotopp-Riecke@icatat.de

В статье рассматривается образ татар сквозь призму представлений о них жителей Добруджи (немцы). Систематизирован материал по истории появления тюркских народов в этом регионе. Выявлена специфика культурных контактов между немцами / христианами и тюркоязычными этническими группами. Определен характер аккультурации населения региона.

Ключевые слова: татары, немцы, Германия, идентичность, региональное самосознание.

*Посвящается памяти
Аджая Саладина¹*

Во время работы над диссертационным исследованием мы обратили внимание на специфическую национальную идентичность жителей Добруджи, которая не находилась в прямой зависимости от языковых и этнических различий проживающих там немцев и татар. В своей диссертации мы занимались изучением образа татар в коллективной памяти немецкого народа. В Добрудже в результате аккультурации

сформировался образ татар, не соответствующий стереотипам, бытующим в других областях, где наблюдаются немецко-татарские культурные контакты (например, в Восточной Пруссии господствует ксенофобское представление о татарах как о варварах-наездниках).

Это привело к формированию особой национальной идентичности жителей Добруджи. Специфическая региональная идентичность сохранилась вплоть до начала XXI века, несмотря на то что ее представители были вынуждены мигрировать и вновь интегрироваться на новой Родине. Особую роль в трансляции образов коллективных воспоминаний о румынской и

¹ Агаджай Саладин (1946–2010) был президентом UDTTMR (Uniunea DEMOCRATA a Tatarilor Turco-Musulmani din România).

болгарской родине играют литературные произведения румыно-немецких мигрантов.

Материалом для исследования послужили интервью экспертов в Добрудже и Германии, а также богато представленная румыно-немецкая литература. В ней рассказывается о забытом временном отрезке мультинациональной истории этого региона. Практически во всех письменных документах об истории немецких поселений в Трансильвании зафиксированы воспоминания о нападении татар, о турецком господстве, а некоторые немецкие деревни были когда-то татарскими поселениями. Очень яркие образы чужого в румыно-немецкой литературе Нового времени нашли свое отражение в «добруджанской» литературе.

Экскурс в историю поселения – швабы, саксонцы, татары

Если обратиться к истории немецких поселений в различных географических районах Трансильвании и Добруджи, то можно сделать вывод, что они отличаются в основном с точки зрения времени миграции. Первые немецкие поселенцы эмигрировали в 1841 году в тогдашнюю османскую Добруджу с севера. История переселений Добруджи подробно описана Полом Трагером и Гансом Петри [Traeger], [Petri]. В основном это были крестьянские семьи из Вольни и черноморского региона Российской империи. Первым немецким поселением стал Акпунар / Акрупаг (тат. ‘источник света’) возле Бабадага в Северной Добрудже.

С этого времени Добруджа относилась к Османской империи вплоть до присоединения к Румынии в 1878 году. В России из-за отмены льгот колонистам в 1871 году началась вторая волна эмиграции, которая продолжалась с 1873 по 1883 гг. Третья волна началась в 1890–1891² гг. Большинство вновь прибывших сюда людей оседали в бывших татарских поселениях, частично опустевших к началу XIX века из-за многочисленных войн и чумы. Возникли немногочисленные новые поселения, такие как Neue Weingarten / Нойе Вайнгартен (‘новые виноградники’), Gross-Pallas / Гросс-Паллас и Якобсонваль / Jakobsonthal (‘долина Якобсона’). Другие деревни, где компактно осели немцы, сохранили свои татарские названия (здесь в ти-

пичном для данной местности румынском произведении): Alibeyköy (‘деревня г-на Али’), Ali Anife³, Babadag (‘отец-гора’), Caramurat (‘черный Мурат’), Ciucurova (‘глубокий уровень’), Colelia (Köleliye – ‘невольничий рынок’), Karali (‘отмеченные черным цветом’), Murfatlar (‘щедрый’), Ortachioi (‘Mitteldorf’), Sarighiol (Sarigöl – ‘желтое озеро’) Sofular (‘благочестивый’), Techirghiol (Tekirgöl – озеро с кефалью / барабулькой) и т. д.

В XIX веке на территории современной Румынии появляются турецкие народы. В XIII веке во время правления болгарского царя Чака здесь было основано поселение печенегов, или половцев (куман). В 1263 году в период династии Сельджуков в область Добруджи переселились приблизительно 10 000 турок из Анатолии [Hammer-Purgstall, с. 117], а османский султан Баязид I основал в области вокруг Бабадага колонию татар, также как и его преемник Мухаммед I.

В 1393 году Добруджа стала частью Османской империи, начиная с XVI века сюда переселились буджакские, ногайские и крымские татары. После завоевания Россией Крымского ханства (1783) последовало массовое переселение крымских татар в Добруджу, а затем в Малую Азию. В 1880 г. румыны составляли лишь 28 процентов от общей численности населения Добруджи [Traeger, с. 9]. В 1885 году татары и турки были выселены в Румынию, а в 1918 году в связи с военными действиями состоялось массовое бегство 80000 турок и татар в Анатолию⁴. В межвоенный период с 1919 по 1939 гг. демографическая ситуация изменилась в пользу румынского населения: татары и турки эмигрировали, территория Румынии увеличилась почти в два раза. После бегства, высылки и переселения во время Второй мировой войны и мас-

³ Позже переименована в Калфа (Calfa), ныне Болгария (Южная Добруджа).

⁴ В начале Первой мировой войны в 1914 Карол I хотел принять сторону центральных держав, что было неприемлемо для внутренней политики страны. При правлении его племянника и преемника Фердинанда I (1914–1927) Румыния летом 1916 г. вступила в Антанту. Сначала румыны завоевали частично Трансильванию, но в декабре 1916 г. потеряли Валахию (Tara Românească). В результате контрнаступления германских, австро-венгерских и болгарских войск Фердинанд I и правительство были вынуждены бежать в румынскую Молдавию. После Первой мировой войны, в 1918 году, большинство румынских территорий России и Австро-Венгрии присоединились к Румынии.

² В 1847 году первый священник для католиков Добруджи, бенедиктинец Раймунд Нетухаммер, был назначен епископом Никополи. Среди иммигрантов было 35–36% католиков, большинство состояло из лютеран из разных общин.

совой эмиграции после 1990 г. из 60000 немцев на территории современной Румынии остались лишь несколько десятков добруджанских немцев, около 23 000 татар живут сегодня в Добрудже.

Образ чужого

Культурные контакты между немцами / христианами и тюркоязычными этническими группами, которые с ранних времен являлись в основном мусульманами, оставили существенный след в устном народном творчестве немцев на территории современной Румынии: в румынско-немецких легендах XX века можно найти (как, впрочем, в Восточной Пруссии и Силезии) десятки преданий «татарского периода», которые в основном связываются с 1241–1242⁵ гг. [Strakosch-Grassmann, p. 36], а иногда и с 1656 годом. Некоторые из них не имеют четко выраженной временной соотнесенности.

Характерным признаком этих легенд являются полиэтничность и интеррелигиозность. Так, Клаус Штефани в своих книгах «Ципзерские народные предания» [Stephani, 1981] и «Дубы на пути» [Stephani. Eichen am Weg] упоминает о 20 или 26 легендах, в которых говорится о татарах. Особую роль в них играют военные действия и деятельность по созданию поселений различных этнических групп, особенно тюркоязычных степных объединений, таких как гунны⁶ [Müller, с. 189], авары, кипчаки⁷ [Stephani, 1981, с. 34], болгары, половцы⁸

⁵ С февраля 1241 года начался поход четырех (по другим источникам – пяти) колонн войск монгольских ханов против Венгерского королевства, включавшего в себя Трансильванию. Эти армии, которыми командовали военные лидеры Кадан, Бури, Субэдей-Багатур и Бучек, завоевали Венгрию.

⁶ Разумеется, гуннов условно можно классифицировать как федерацию тюркоязычных народов, которые начали миграцию степных культур с востока на запад, продолжавшуюся много веков (см., напр.: легенда «Смерть Аттилы»: «Король Аттила приехал из Азии или из Сицилии, между делом завоевал город Сандау <...>, построил Аттелшуль (углубление), и его люди выкопали Аттельслох в один день. Но как только он сел за стол, бандит ударил его оружием в грудь, чтобы он немедленно скончался» [Müller]).

⁷ В легенде «Кыпчак» говорится: «Кыпчак был опасным разбойником. <...> Когда настал вечер, он поехал с группой в Серет <...>. Было сказано, что мать Кыпчака была лесной девой и дала ему сверхъестественные силы. <...> Когда жандармы последовали за ним, он превратился в черного коня и убежал от преследователей».

[Müller, с. 203], печенеги⁹ [Stephani. Eichen am Weg, с. 112] и татары, которые также упоминаются в преданиях и легендах Трансильвании. Подобные акты насилия всадников из восточных степей были описаны в таких легендах, как «Когда приехали татары»¹⁰ [Там же, с. 208–209], «Нападения татар» [Müller, с. 253–254], «Татарщина» [Stephani, 1983, с. 47/48], [Stephani, 1981, с. 52], «Девочка и татарский юноша» [Stephani, 1983, с. 24.], «Женщина из

⁸ Куманы заселились в Добрудже еще в начале XIII века в период Болгарского царства. Несколько десятилетий спустя Византийская империя изгнала анатолийских мусульман. В легенде «Откуда этот деревенский камень имеет свое имя» говорится: «Однажды дикие куманы пришли в долину Кальтбах и захотели проникнуть в замок. <...> Затем куманы принесли лес и окружили замок огнем. Лидер куманов приказал, чтобы некоторые из его воинов пересекли стену». Но все куманы погибли в дыму, защитники замка скрылись в туннеле. Командир защитников крепости и его жена, увидев предводителя куманов, прижались от страха к камню, однако брошенный в них кинжал врага срикошетил. В результате отскокивший от камня осколок попал командиру куманов в висок и стал причиной его гибели. Каменный осколок отскочил и врезался в его висок, так что главный человек опустился на землю мертвым». Еще одна куманская сага представлена Мюллером («Святой Ладислас спасает венгерскую девственницу из рук куманианцев») и Стефани («Альт-Кронштадт»).

⁹ В легенде «Печенеги» сказано: «Паганвилл (Хайдендорф в Трансильвании), как говорят, получил свое имя от язычников, которые жили здесь около семисот лет назад. Когда саксы иммигрировали в Нёсерланд, в этом регионе жили некоторые племена «диких печенегов». Там, где сегодня была наша деревня, было поселение печенегов, а саксы называли деревню Хайдендорф, потому что печенеги были просто язычниками. «Они жили в домах из коры деревьев и в палатках, ездили на маленьких черных лошадях без седла. <...> Когда в 1241 году в страну вторглись монголы <...>, небольшое поселение печенегов также было разрушено, а жители вытеснены. Позже здесь поселились саксы». Печенеги (венгерцы: besenyő) также оставили свои следы в топонимах.

¹⁰ Легенда из страны Сатмар (северо-западная Трансильвания, граничащая с Венгрией и Украиной). Ассоциация Сатмар Швабии Федеративной Республики Германия, штаб-квартира которой находилась в Равенсбурге, 88212, и издавала «Sathmarger Heimatbrief» («Sathmarien Homelandletters»), где публиковались детские воспоминания, изречения и легенды сатмаровских швабов.

Саксонии и татарин»¹¹ [Stephani. Sächsin und Tatare] и многие другие.

Современная эпоха: аккультурация

В то время как трансильванские легенды о татарских нашествиях передавались из поколения в поколение и благодаря этому в коллективном сознании румынских немцев укоренился отрицательный образ скачущей орды, начиная с конца XIX века в литературе добруджанских немцев появляется более позитивное представление о татарах, документы свидетельствуют о существовавшем в недавнем прошлом мультикультурном мире, которого не существует на сегодняшний день. «В бывшей когда-то турецкой деревне немецкий народ тогда мирно уживался с другими народами: турками и татарами, румынами, греками, евреями, армянами и др.», – написано в трудах местного историка Келлера [Цит. по: Нотторп-Riecke, с. 265].

Можно найти десятки подобных высказываний, проясняющих сложившуюся ситуацию, однако есть и реальные дела, которые свидетельствуют о межнациональной солидарности жителей Добруджи, такие как пожертвования и гуманитарный пакет помощи от добруджанских немцев из Федеративной Республики Германия в 1960-е годы, который предназначался не только для оставшихся в Румынии соотечественников, но и для всех жителей их прежней родины, независимо от их этнической принадлежности. В публикациях добруджанских немцев, проживающих на территории Федеративной Республики Германия, эксплицирована мысль о «соотечественниках», которые соотносятся с определенным регионом или коммуной, а не идентифицируются с этническим происхождением жителей.

В качестве доказательства осторожных попыток взаимной аккультурации можно найти определенные тексты и в народном творчестве жителей Добруджи, будь то рифмованные считалочки, повседневный язык или обычаи и традиции: в немецкий язык были заимствованы татарские лексемы, татары переняли у немцев традиционные способы возделывания полевых культур, ухода за домашним скотом, ведения домашнего хозяйства. Об этом же свидетельствуют многочисленные сообщения о путешествиях, автобиографии и короткие рассказы. Такие лексемы, как Mamaliga / мамалыга (‘куку-

рузная каша’), Baschtan / баштан (‘огород’), Kef (от *Keyif* – ‘удовольствие, хорошее настроение’), Pabutsch (‘тапки’), Thoban / Чобан (‘пастух’), Kaschkaval / Кашкавал (‘сорт сыра’) и Halva / халва (‘паста из орехов, семян и меда’), были заимствованы немцами и включены в повседневный язык.

В условиях тесного соседства аккультурация в этнически смешанных поселениях была неизбежна. Несмотря на тесные взаимосвязи в повседневной жизни, сельском хозяйстве и фольклоре различных этнических групп, в Добрудже сохранилась приверженность этих групп к своей собственной религии в качестве маркера идентичности. В процессе общения наблюдается нарочитое уклонение от необходимости говорить о конфессиональной принадлежности татарина, друга или соседа. Наоборот: если в текстах о согражданах татарской национальности и упоминается религиозность, то всегда подчеркивается их богобоязненность и набожность, но редко упоминается сам ислам.

Так, например, в одном из писем Абдулхакима Акташа из Турции мы читаем следующее: «Желаем нашему глубоко почитаемому Телли Али Божьей милости и высказываем скорбящим наши глубокие соболезнования. После состоявшейся встречи жителей Кобадины и Добруджи по случаю похорон усопшего передаем сердечные приветствия всем соотечественникам в Германии»¹². ‘Landsleute’ (‘соотечественники’) здесь явно относится к старой родине – Добрудже. Таким образом, добруджанское «мы» выходит за пределы этнических и религиозных границ: «<...> это большая радость, обнаружить сегодня, какая дружба связывает нас, жителей Добруджи, несмотря на разные нации, религии и убеждения», – пишет Фридрих Хоффман в информационном письме добруджанских немцев [Rundbrief der Dobrudscha-Deutschen].

После всех военных перипетий, начиная с 1949 года было опубликовано много работ, в которых Добруджа является транснациональным пространством воспоминаний о прежней общей родине. Еще до основания общины добруджанских и болгарских немцев появился

¹¹ Здесь представлена версия легенды, взятой из деревни Мёнчсдорф, Нёснерланд (Северная Трансильвания).

¹² Письмо читателей Абдулхакима Акташа (турецкий Акташ – это германизированное написание названия (переписка между татарами, турками и немцами велась на румынском языке). Письма, посланные добруджанцами соответствующим получателям, были на румынском, а затем переведены на немецкий или турецкий языки).

бюллетень немцев Добруджи, а с 1956 года начинает выходить в свет ежегодник добруджанских немцев [Rösner, с. 4]. В основном здесь преобладают красочные описания тогдашних соседских отношений, «добрососедская помощь, даже со стороны чужеземцев, всегда была священным долгом, от которой никто не мог уклониться. С турками и татарами наши соотечественники в Добрудже всегда жили в хороших отношениях, и некоторые люди этой этнической группы провожали нас со слезами, когда нас переселяли в Рейх». Термин «добруджанец», или «добручали», утвердился в качестве этнонима региональной идентичности, который был использован как немцами, так и татарами.

Через периодику люди искали своих бывших соседей и друзей, указывались места, объяснялись актуальные законы ФРГ для переселенцев, также там можно было найти образцы немецкого диалектного фольклора, была представлена татарская и румынская поэзия этого региона. Также благодаря этим публикациям были организованы двусторонние визиты бывших жителей Добруджи. Все эти воспоминания о мультиэтнической среде того времени сходны в одном: они подчеркивают мирное соседство разных религий и национальностей.

В публикациях 1950-х годов сложилось постмиграционное представление, которому не были свойственны реваншистские настроения, характерные, например, для выходцев из судетских немцев или Восточной Пруссии. Немецкие эмигранты из Добруджи предоставляли другим национальностям определенную свободу и право голоса. Такие свидетельства можно найти как в простых письмах переселенцев Добруджи, так и в публицистических и научных статьях видных представителей крымскотатарского национального движения.

Отто Клетт, издатель «Ежегодника добруджанских немцев», в 1964 году констатирует увеличение количества эмоционально взволнованных публикаций татарских авторов. В своей статье «Наши друзья» он так объясняет рост числа публикаций татарских, северных турецких авторов в Ежегоднике: «В нашем Ежегоднике неоднократно появляются сообщения, в которых речь идет о других народах Добруджи. На первый взгляд, можно было бы подумать, что это перебор, который не должен быть здесь представлен. Но если посмотреть более внимательно, можно увидеть, что наша жизнь в Добрудже была теснейшим образом связана и переплетена с другими национальностями. Хотим

мы этого или нет, мы вынуждены публиковать информацию о совместной жизни, так как сведения не должны быть односторонними» [Klett, с. 86].

Тексты татарских авторов способствовали повышению информированности о татарской истории, этногенезе и пониманию миграционных перемещений татар. В качестве примеров здесь можно упомянуть статью Мехмета В. Юртсевера «Татары и османские турки в Добрудже» (Ежегодник 1976) [Yurtsever] и серию статей «Добруджа и турки» (1964–1966) Мюстеджипа Улкусала [Ülküsal], уроженца Добруджи, который был лидером крымскотатарского национального движения, видным публицистом.

В Германии память о татарах Добруджи и немцах Румынии, эмигрировавших в Германию, сохраняется не только в художественной литературе, но и в других источниках. В качестве призыва к компромиссу может быть интерпретирована цитата из газеты «Мюнхенер Фольксботе»: «<...> В стремлении включить все народы Добруджи в поле зрения особенно явно прослеживается намерение издателя показать терпимость, понимание и сострадание к соседям, которые не только говорят на другом языке, но и имеют другую религию и другую культуру¹³» [Der Volksbote]. Лейтмотивом в произведениях румынско-немецкой литературы является мирное сосуществование мультиэтнической родины, и татары являются частью этого мира в Добрудже.

С другой стороны, образ немцев, который сложился у татар Добруджи, как выяснилось в ряде интервью, был тоже очень позитивным: интервьюируемые вспоминали совместную борьбу против Красной Армии, соседскую взаимопомощь, глубокую религиозность немцев, их трудолюбие, настойчивость и упорство. Для научного изучения образа немцев, сложившегося у добруджанских татар, на основе письменных источников необходимо будет провести дополнительные исследования, которые будут посвящены раскрытию именно этой части регионального самосознания и воспоминаний об истории жителей Добруджи.

Со временем негативный образ татар в немецкой литературе постепенно стал меняться на положительный не только благодаря авто-

¹³ Рудольф Грулич написал это в своей реплике в «Jahrbuch der Dobrudscha-Deutschen 1975» в газете «Der Volksbote», Мюнхен, 20.12.1974; цитата согласно Добрудже-Ежегодник 1976, с. 201.

рам немецкоязычной Добруджи, но и румынским писателям: самыми известными произведениями подобного рода являются романы Захария Станку («Татарское лето», «Татарская дочь») [Stancu, 1964], Михаила Садовяну («Под знаком рака», «Род сокола», «Белый источник») [Sadoveanu, 1968], [Sadoveanu, 1969], [Sadoveanu, 1976] и Андреаса Биркнера («Татарская молитва») [Birkner]. В своих работах авторы стремятся соблюсти баланс в освещении исторического прошлого татар и многонациональной истории и культуры Румынии и являются одними из самых читаемых писателей своей страны, их произведения издавались по обе стороны железного занавеса.

Стершийся со временем образ добруджанских татар и немцев остался сегодня только в коммуникативной памяти старших поколений и является весьма ограниченной частью культурной памяти татар и немцев в общем и целом. Однако как регионально-исторический феномен, как объект литературоведческих и тюркологических исследований он остается по-прежнему захватывающим и интересным.

Литература

Birkner A. Die Tatarenpredigt. Wien: Europa-Verl., 1976.

Von Hammer-Purgstall J. Geschichte des Osmanischen Reiches, großentheils aus bisher unbenützten Handschriften und Archiven; 1: Von der Gründung des Osmanischen Reiches bis zum Tode Selim's I. 1300–1520. Pesth: Hartleben, 1840.

Hotopp-Riecke M. Ikonografie der Angst. Deutsche Tatarenbilder im Wandel: Barbaren, Alliierte, Migranten (Iconography of fear. German images of Tatars in change: barbarians, allies, migrants). Berlin: Freie Universität Berlin, dissertation classification DDC 940, 2011 (2017).

Klett O. Unsere Freunde. In: Jahrbuch der Dobrudscha-Deutschen. Heilbronn: Otto Klett, Bd. 9, 1964, S. 86–88.

Müller F. Siebenbürgische Sagen. Kronstadt: Johann Gött, 1857.

Petri H. Die ersten Einwanderungen deutscher Bauern aus Bessarabien und Südrußland in die Dobrudscha. Ein Stück deutschen Schicksals im 19. Jahrhundert. In:

Jahrbuch der Dobrudscha-Deutschen. Heilbronn: Otto Klett, Bd. 11, 1966, S. 7–27.

Rösner T. Noch mal Glück gehabt. Eine Jugenderinnerung. In: Rundbrief der Dobrudscha-Deutschen. Stuttgart: Landsmannschaft der Dobrudaschadeutschen e.V., Nr. 84 / Dezember, 1955, S. 4–5.

«Rundbrief der Dobrudscha-Deutschen». No. 215, Nov. 1966, p. 5.

Sadoveanu M. Im Zeichen des Krebses [Orig.: Zodia cancerului sau Vrema Ducăi-Vodă]. Berlin: Verlag der Nation, 1968.

Sadoveanu M. Das Geschlecht der Falken. [Orig.: Neamul Șoimăreștilor] Berlin: Verlag der Nation, 1969.

Sadoveanu M. Die weiße Quelle. Berlin: Verlag der Nation, 1976.

Stancu Z., Hotopp-Riecke M. Tatarischer Sommer. In: Altabash, Nr. 58 (1), Januar / Februar 2010. S. 27–30.

Stancu Z. Die Tochter des Tataren. Berlin: Der Morgen, 1964.

Strakosch-Grassmann G. Der Einfall der Mongolen in Mitteleuropa in den Jahren 1241 und 1242. Innsbruck: Wagner, 2004 (1893).

Stephani C. Zipser Volkserzählungen aus der Maramuresch, der Südbukowina und dem Nösner Land. Bukarest: Kriterion, 1981.

Stephani C. Eichen am Weg. Volkserzählungen der Deutschen aus Rumänien. Cluj-Napoca: Dacia, 1982.

Stephani C. Sächsin und Tatare. In: Eichen am Weg. Volkserzählungen der Deutschen aus Rumänien. Cluj-Napoca: Dacia, 1982, S. 135.

Stephani C. Volkserzählungen der Zipser in Nordrumänien. Marburg: N. G. Elwert, Schriftenreihe der Kommission für ostdeutsche Volkskunde in der Deutschen Gesellschaft für Volkskunde, 1983.

Traeger P. Die Deutschen in der Dobrudscha - zugleich ein Beitrag zur Geschichte der deutschen Wanderungen in Osteuropa. Stuttgart: Ausland und Heimat, Schriften des Deutschen Auslands-Institutes Stuttgart, 1922 (Reprint 1982).

«Volksbote». München, 20.12.1974

Ülküsal M. Die Dobrudscha und die Türken. In: Jahrbuch der Dobrudscha-Deutschen, Bd. 9, 1964, S. 74–85; Bd. 10, 1965, S. 36–43; Bd. 11, 1966, S. 84–87.

Yurtsever M. Die Tataren und die Ottomanischen Türken in der Dobrudscha. In: Jahrbuch der Dobrudscha-Deutschen 1976. Heilbronn: Otto Klett, Bd. 21, 1976, S. 25–34.

**ИНТЕГРАЦИЯ, СОЛИДАРИЗАЦИЯ ҺӘМ МИГРАЦИЯ
ПРОЦЕССЫНДА АЛМАННАР ҺӘМ ТАТАРЛАР.
ДОБРУДЖИ МӘДӘНИЯТАРА ТӨБӘК ҮЗАҢЫ**

Мисте Хотопп-Рикке,
Кавказ, татарларны һәм
Төркестанны өйрәнү институты (ICATAT),
Алмания, 39124, Магдебург ш., Швизер ур., 11 нче йорт / R. 2126,
Hottopp-Riecke@icatat.de.

Мәкаләдә Добруджи (Алмания) төбәгендә яшәүчеләрнең күзаллавындагы татарлар образы өйрәнелә. Язмада бу регионда төрки халыкларның барлыкка килү тарихына караган материаллар системалаштырылган. Алман / христианнар һәм төрки этник төркемнәр мәдәни багланышларының үзенчәлекләре аерып чыгарылган. Төбәк халыкларында этник мәдәниятләр бәйләнешенәң характеры билгеләнгән.

Төп төшенчәләр: татарлар, алманнар, Германия, тәңгәллек, төбәк үзаңы.